

ОТЗЫВ
официального оппонента
на рукопись и автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук
Гаврилова Константина Николаевича
«Верхний палеолит бассейна Десны и Среднего Поднепровья:
преемственность и вариабельность материальной культуры»
Специальность 5.6.3–археология

Диссертационное исследование К.Н. Гаврилова посвящено рассмотрению культурно-хронологических вопросов генезиса и специфики развития культуры средней и поздней поры верхнего палеолита Русской равнины на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья, обсуждаемых в контексте верхнего палеолита соседних регионов.

Археологические и междисциплинарные исследования ряда памятников, проведенные при непосредственном участии и руководстве К.Н. Гаврилова, серьёзно расширили и дополнили источниковую базу по верхнему палеолиту Русской равнины. Полученные материалы и результаты их анализа достаточно полно отображены в специальной литературе, т.е. введены автором в научный оборот.

Цель диссертационного исследования К.Н. Гаврилова масштабна – дать характеристику развитию культуры верхнего палеолита центральных районов Русской равнины как непрерывного процесса, подчиняющегося общим для Восточноевропейского региона закономерностям, однако, в то же время и сочетающегося с локальными проявлениями этих закономерностей на уровне отдельных категорий материальной культуры, памятников и культурно-исторических локальных региональных объединений.

Перед нами не только работа, выполненная как многофакторный анализ разнообразных структур и объектов стоянок поселений, разнообразных категорий материалов, но и своего рода манифест и представление определенной оптики методологии и методики археологических

исследований, анализа, интерпретаций и реконструкций. В обсуждаемой работе К.Н. Гаврилов представляет результаты концептуального синтеза методических подходов стадиализма и культурализма к анализу особенностей развития верхнепалеолитической материальной культуры. Основой чему послужили коллекции каменного инвентаря, произведений искусства малых форм, а также пространственно-структурные характеристики как отдельных объектов, так и поселенческих комплексов в целом. Следует подчеркнуть, что в автор чётко прописывает своё видение таких основополагающих археологических явлений как, например, культурный слой и его составляющие, разницу между стоянкой и поселением. Вместе с тем, нераскрытыми остались такие регулярно повторяющиеся термины – как «приледниковые охотники на мамонтов» и т. Практически полное отсутствие внимания к палеоэкологическим данным вызывает удивление, поскольку часть публикаций Н.К. Гаврилова связана именно с этим направлением. Сюда же можно отнести и пару раз мелькающее давно устаревшее палеозоологическое определение костных остатков медведя из ККК как «пещерного медведя», что достаточно давно опровергнуто Н.К. Верещагиным и другими специалистами.

В разделе «Методологические подходы» во Введении отсутствует важная, с моей точки зрения, часть о причинах выбора автором подхода отказа от калиброванных дат.

Предложенная реконструкция формирования культурного слоя отдельных памятников как палимпсестов отдельных эпизодов обитания требует, как справедливо замечает К.Н. Гаврилов в конце работы, тщательных микростратиграфических подтверждений, что не может не вызывать согласия. При этом постоянные отсылки на результаты изучения Зарайской стоянки входят в противоречие с тезисом о возможном культурном своеобразии отдельных памятников, а значит – и особенностей структуры поселений, но главное – формирования и бытования культурного слоя. Всё это не означает

отрицания наблюдений и результатов анализа и размышления автора обсуждаемой работы, наоборот – это принятие предложения даже не к дискуссии, а кропотливому обсуждению целого ряда интерпретаций, реконструкций и постулатов диссертационного исследования.

Первая глава «История изучения закономерностей культурно-исторического развития центральных районов Русской равнины в верхнем палеолите» – значимая часть работы, в которой не столько представлена привычная история изучения и развития научной мысли, но и критический разбор эволюции взглядов предшественников на широкий круг проблем, затронутых в обсуждаемом исследовании.

Во второй главе, посвященной географии, хронологии и периодизации верхнего палеолита центральных районов Русской равнины, отдельного внимания заслуживает концептуальный раздел, посвященный радиоуглеродному датированию, точнее – одному из ключевых положений работы, на котором построена значительная часть архитектуры исследования, а именно – принятию всего корпуса радиоуглеродных дат (по сути – без обсуждений, т.е. анализа и критики источника), без обсуждения несовершенства методики (напр., очистки образцов, погрешностей в обработке и т.д.) или лимитированности самого радиоуглеродного метода. Другими словами, отношение к результатам датирования здесь прямо противоположно высказанному, например, на конференции «Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии» (18-20 ноября 2024 г.) в ИИМК РАН представителями лабораторий радиоуглеродного датирования настойчивому предложению относиться к датам не как к абсолюту, но лишь как некоторым ориентирам. Аргументированное изложение своей позиции К.Н. Гавриловым представляется ещё и значимым заделом для продолжения дискуссии по этой проблематике. Особенно в свете не менее концептуального утверждения позиции по признанию обсуждаемого круга памятников как характеризующихся «довольно длительным существованием или

многократным посещением этих поселений при достаточно устойчивом сохранении населением культурных традиций ... Именно этим обстоятельством объясняется [автором и коллегами, придерживающимися аналогичного мнения – В.Ж.] «длинная хронология» крупных поселений, как средней, так и поздней поры верхнего палеолита, при наличии достаточно представительных серий радиоуглеродных дат» (с. 81).

Важное утверждение, которым заканчивается вторая глава и которое красной нитью проходит через всю работу, связано с тезисом о том, что «неравномерность распределения памятников верхнего палеолита по территории Центра Русской равнины свидетельствует скорее о степени изученности перечисленных районов, чем о реальной картине их заселённости в древности» (с. 83). Справедливое это утверждение как нельзя лучше иллюстрирует третья глава, посвященная единичным, но важным памятникам ранней поры верхнего палеолита обсуждаемого региона.

Особо место в работе занимает четвертая глава «Восточноевропейский граветт центральных районов Русской равнины», в которой на основе широкого круга источников и многофакторного анализа материалов опорных памятников представлена характеристика восточноевропейского граветта. Отдельно следует отметить содержательно глубокий раздел об особенностях стилистики верхнепалеолитических Венер.

В обсуждении проблемы и выводе о «формирования восточного граветта на Русской равнине в результате сложных процессов развития культуры автохтонного населения в сочетании с влиянием или взаимными контактами, связанными с культурой/населением Центральной Европы» (с. 156) – не очень понятно отсутствие какого-либо обращения к результатам общих работ по молекулярной биологии Центральной и Восточной Европы. Если автор целенаправленно избегает использования этой части научных данных, то лучше это было обозначить – как и в ситуации с калибровкой радиоуглеродных дат. Кроме того, подобный масштабный вопрос – о

происхождении восточного граветта на Русской равнине, с моей точки зрения, заслуживает более широко и глубоко аргументированной дискуссии, например, с А.А. Сеницыным и С.Н. Лисицыным, но и (порой) практически высказанные в стиле слегка развернутых тезисов манифеста – основные положения своей концепции К.Н. Гавриловым – непременно важны, поскольку позволяют её предельно четко конкретизировать. Следует согласиться с автором обсуждаемой работы в том, что дискуссиям по вопросам, поднятым в четвертой главе, ещё далеко до завершения.

Пятая глава «Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 как проявление особого культурного варианта восточноевропейского граветта» заслуживает отдельного внимания как самостоятельная часть лаконичного, но глубоко проработанного многофакторного анализа сложного опорного памятника, на котором – во многом – сосредоточены многолетние полевые работы Константина Николаевича. По не очень мне ясным причинам и в этой главе отсутствует обсуждение результатов изучения технологии производства предметов из камня, бивня и кости ряда опорных памятников восточного граветта на территории Русской равнины и Центральной Европы, представленных Б. Громадовой в кандидатском диссертационном исследовании (Громадова, 2012).

Шестая глава «Восточноевропейский эпиграветт на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья. Трансформация верхнепалеолитической культуры Центра Русской равнины в период LGM» представляет собой фундаментальный анализ одного из наиболее важных этапов развития верхнего палеолита. На основе результатов сравнительного анализа кремневой индустрии опорных памятников К.Н. Гаврилов предлагает обратить внимание на различные культурные варианты – парные группы отдельных памятников – «восточноевропейского эпиграветта в качестве археологических культур, таксономически равных, например, костёнковско-авдеевской и хотылёвской культурам восточноевропейского граветта», но особенностью эпиграветтских

культур, по мнению автора, «по сравнению с культурами граветта является их территориальная ограниченность».

Значимой частью этого раздела работы является стилистический анализ образцов искусства малых форм, переходящий порой в интерпретационную плоскость, которая, с моей точки зрения, в таком сложном по структуре, глубине и масштабу тем тексте, выглядит одиноко и не всегда равнозначно. С другой стороны, нельзя не отметить одну из обоснованных автором закономерностей – «в тех случаях, когда на памятнике найдены две фигурки и более, фиксируется одновременно типологическое разнообразие статуэток и соответствие канона построения фигуры характерным для данной стоянки стилистическим особенностям её оформления» (с. 250). Отдельно необходимо отметить, что проводить прямые аналогии между ориньяком Западной Европы и эпиграветтом Русской равнины необходимо с большей осторожностью, в т.ч. без глубокого и детального общего обзора основных знаково-орнаментальных единиц искусства малых форм (с. 256).

Основной вывод автора о генезисе эпиграветта на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья – во многом – на основе трансформации позднего граветта Русской равнины глубоко фундирован, но уверен – будет ещё продолжительное время дискутироваться.

Седьмая глава посвящена археологическим объектам верхнепалеолитических стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья в обсуждаемое время и является одной из наиболее дискуссионных частей работы. К.Н. Гаврилов в самом начале говорит о том, что предлагаемая классификация археологических объектов верхнепалеолитических памятников, расположенных на территории бассейнов Среднего Днепра и Десны, «направлена прежде всего на определение таксономического уровня структурообразующих элементов стоянок и поселений применительно к их пространственной организации», но отказывается – по сути – от значимой части показавших свою состоятельность наработок предшественников: «в

данном случае понятие структурообразующего элемента не тождественно понятию «элемент слоя» (по: Леонова, 1994. С. 12) или «объект» (по: Беляева, 2002)» (с. 261). По мере знакомства с этой главой читателю становится очевидно, что если подход к анализу пространственной организации структурообразующих элементов стоянок и поселений и можно в некоторой части назвать новаторским через определение таксономического уровня, то набор собственно самих элементов – базируется на отечественных разработках 1970-х гг. (Н.Б. Леонова и др.), корни которых лежат ещё глубже. Выделенные категории объектов не полны, поэтому необходимо было указать на принцип отбора и обсуждения, например, окрашенные пятна слоя – с. 296 – (говорится, но не выделяется); перемещенные объемы суглинков и супесей; крупные камни и плиты, и многое другое. Ярким примером может служить подраздел «Скопление охры» - с. 296-297. Здесь, например, смешиваются терминологические сущности «скопление» - как концентрация или сгущение объектов, включая отдельности (мелкие или крупные) сырья, составляющих некоторый объем и имеющих «компактный характер», и окрашенность охрой площадки, обособленность которой внутри культурного слоя/горизонта определяется окрашенностью поверхности, т.е. изменением качества (цветности)/качеств (цветности и включенности в «заполнитель» мельчайших частиц или крупинок порошка пигмента без существенного изменения литологической (седиментологической) основы слоя) характеристики исследуемого пространства; но принципиально важной, например, для микростратиграфических наблюдений. При этом очевидно, что окрашенность слоя вокруг скопления относится к дополнительной характеристике скопления.

Таким образом, теоретическая часть этой главы нуждается в дальнейшей разработке и обсуждении. При этом, нельзя не отметить подробное и детальное представление материала в обсуждаемой главе, без которого многие выводы могли показаться умозрительными.

В заключении К.Н. Гаврилов предлагает формулировку определений понятий «стоянка» и «поселение» для памятников верхнего палеолита Восточной Европы, которая опирается на характер структурных особенностей их культурных слоёв. С моей точки зрения, это одно из наиболее важных положений диссертационного исследования.

Заключительная восьмая глава посвящена проблеме происхождения и интерпретации «жилищ» аносовско-мезинского типа. В результате кропотливого анализа полевой документации, результатов естественно-научных исследований материалов ряда памятников и современных полевых тщательных наблюдений – К.Н. Гаврилов приходит к выводу об ошибочности распространенной идентификации конструкций аносовско-мезинского типа в качестве жилищ, предлагает рассматривать их как культовые сооружения, истоки которых уходят – как минимум – в гравецкое время.

Насколько мне известно, подобное полное рассмотрение этой гипотезы представлено в науке впервые. Уверен, что данная часть диссертационного исследования внесет значимый вклад в дискуссию о конструкциях верхнепалеолитических памятников. Однако есть несколько моментов, проработка которых, с моей точки зрения, требует дальнейшей работы. Автор не единожды пишет о принадлежности «рассмотренных ... памятников к единому хозяйственно-культурному типу охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы» (с. 306), но не приводит никаких аргументов, включая ссылки, на обоснованность выявления фактов регулярных охот на мамонтов.

Константин Николаевич предлагает рассматривать костные скопления (на основании степени сохранности костей) как созданные в короткий промежуток времени и в некоторых – как минимум – случаях с использованием «костей, соединенных мягкими тканями» (с. 312). И поскольку погрызов на костях из скоплений практически не обнаружено – предлагает новаторское объяснение: «всё костное скопление было очень

быстро после своего образования засыпано землёй и, скорее всего, это было сделано создателями данного сооружения» (с. 312). Одновременно с этим сосуществует «факт, установленный Г.А. Хлопачевым в Юдиново 1 для «жилища» № 5, что разные участки костной структуры имеют разный радиоуглеродный возраст. По образцам костей из одной секции были получены четыре даты около 12 000 лет до н.э., а две даты около 13 000 лет до н.э. — из второй секции ... Этот неожиданный результат может свидетельствовать о том, что костная структура могла создаваться в течение довольно длительного времени в несколько этапов. Во всяком случае, такой вариант нельзя исключать из рассмотрения» (с. 318). Здесь очевидное противоречие – между «хорошей сохранностью», интервалом формирования в одну тысячу лет и гипотезой о том, что «всё костное скопление было очень быстро после своего образования засыпано землёй». Засыпка костных конструкций – прекрасное предположение, как и аргумент о незначительном количестве погрызов на костях, но получается, что осуществлялась добыча определенного количества мамонтов (иногда – десятков), а после – их разделка и транспортировка, т.е. постулируется фактически бытование не столько мясной охоты, но ритуальной. Выкапывать для засыпки грунт при наличии мерзлоты – сложно, а о явных следах этих трудовых операций информации никакой нет. Во всём этом блоке предположений видится пока загадочная недосказанность, тем более, что отсутствуют ссылки на работы В.Н. Питулько по Янской стоянке и – шире – Арктике, в которых скопления костей мамонта рассматриваются именно как прямое следствие относительно долговременных регулярных охот на этих животных. Поэтому и объяснимо ожидание читателя увидеть недвусмысленно конкретизированную точку зрения автора на проблематику охоты на мамонтов и обсуждение специфики радиоуглеродного датирования костей этих животных. Но повторю – гипотеза, предложенная К.Н. Гавриловы, элегантная и требующая продолжения разработки.

И, конечно, нельзя не согласиться с автором диссертационного исследования в том, что приблизиться к решению проблем стратиграфической и планиграфической позиции костных конструкций, «очевидно, возможно в ходе полевых и лабораторных работ, проведенных на современном методическом уровне, с постановкой соответствующих исследовательских задач. Анализ пространственной структуры площадок, перекрываемой костными скоплениями, может дать дополнительные аргументы за или против «жилищной» версии интерпретации» (с. 327).

В заключении К.Н. Гаврилов представляет основные выводы диссертационного исследования.

Сделанные замечания не влияют на общую положительную оценку работы, а её выводы основаны как на результатах собственных многолетних полевых исследованиях, так и изучении полевой документации и музейных коллекций. Каждую из глав диссертационного исследования можно было бы развернуть в отдельную работу, но тем ценнее представленный многофакторный анализ и представленные – вне всякого сомнения – четко и ясно позиции, взгляды и точки зрения К.Н. Гаврилова на комплекс теоретических и практических проблем современного палеолитоведения.

Таким образом, представленная работа является самостоятельным научным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне, и представляет значительный интерес для исследователей палеолита. Диссертационное исследование имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Представленные в диссертационном исследовании материалы и выводы, полученные автором, могут быть использованы в преподавательской деятельности, музейной работе и подготовке учебных пособий по истории России и сопредельных государств.

Основные положения работы неоднократно обсуждались на международных, всероссийских, региональных научных конгрессах,

конференциях и симпозиумах, Всероссийских археологических съездах. Выносимые на защиту выводы и материалы диссертации отражены в 40 научных публикациях, включая две монографии и 23 статьи, опубликованных в ведущих научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Автореферат полно и достоверно отражает содержание, структуру и основные положения диссертационного исследования.

Диссертация Гаврилова Константина Николаевича является оригинальным научным исследованием, соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, установленным пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» и критериям паспорта специальности 5.6.3. Археология (исторические науки), а ее автор, Гаврилов Константин Николаевич, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент
доцент кафедры археологии
исторического факультета
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
доктор исторических наук

31.08.2025 г.

В.С. Житенев

Подпись
В.С. Житенев
заверяю

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», исторический факультет 119991, Москва, Ломоносовский проспект, 27, к.4, <http://www.hist.msu.ru>, e-mail: faculty@hist.msu.ru, тел.: (495) 939-35-66